

УДК 911

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ – ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ ДЛЯ БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ РОССИИ

© 2016 г. Б.Б. Родоман

НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, Москва, Россия
e-mail: bbrodom@mail.ru

Поступила в редакцию 08.03.2016 г.

Россия обладает огромными площадями мало измененного людьми природного ландшафта и поэтому может стать глобальным экологическим донором для сохранения биосферы на всей планете. Концентрация населения в городских агломерациях, малолюдность и бездорожье в бывшей сельской местности, обширность военных полигонов, занятых лесами и степями, одичание ландшафта вдоль административных границ благоприятствуют превращению большей части России в природные заповедники и парки, сохранению природы в охотничье-промысловых и рыболовных угодьях для экофильного землеприродопользования. Экологическая специализация и рекреационная роль пригородной зоны Эйкуменополиса могла бы стать приоритетным направлением хозяйства в России и обеспечить нашей стране уникальное, незаменимое место в мировом сообществе. В статье приводятся доводы в пользу такого решения.

Ключевые слова: Природный ландшафт, ренатурализация ландшафта, экологический потенциал, сжатие обитаемого пространства, экологическая специализация.

Из-за огромности территории России происходящие на ней процессы имеют глобальное значение и в немалой мере определяют ход всемирной истории. Сегодня наша страна фигурирует в мировом хозяйстве главным образом как экспортер исчерпаемого энергосырья, что ставит наше будущее в рискованную зависимость от факторов, связанных с его добычей и потреблением. В настоящей статье излагается проект изменения и расширения роли России как поставщика природных ресурсов и условий, необходимых для выживания и развития всего человечества. Предполагается, что главным богатством выступают не отдельные полезные ископаемые или какие-то виды растительного и животного сырья, а весь *природный ландшафт*, или вся совокупность природных компонентов нашего культурного ландшафта. Сохранение и поддержание природного ландшафта как важнейшего фрагмента биосферы, его материально-вещественное и духовно-информационное *потребление без разрушения и истощения* должно стать приоритетной отраслью российского народного хозяйства.

Для сохранения биосферы и выживания человечества необходимо, чтобы от четверти до трети всей земной суши занимали более или менее естественные леса, степи, прерии, луга, тундры, высокогорья с ледниками и снежниками и дру-

гие природные ландшафты с присущим им диким животным миром. Желательно, чтобы природные земельные угодья пронизывали даже высоко урбанизированную и густонаселенную людьми среду, хотя бы в виде нешироких коридоров, но поскольку это во многих регионах мира трудно осуществимо, то должна быть и *глобальная экологическая компенсация* там, где природный ландшафт наличествует в избытке и имеет, тем самым, международное значение.

Россия – одна из немногих крупных стран (наряду с Канадой и Бразилией), которая могла бы стать “профессиональным” *экологическим донором* для мирового сообщества. Для этого желательна *экологическая специализация* нашей страны в глобальном масштабе [17, 19] – превращение большей ее части в национальные парки, природные заповедники, а также в промыслово-охотничьи, рыболовные и прочие полудикие биоресурсные угодья, используемые в разумных пределах естественного прироста биомассы [24]. Рассмотрим доводы в пользу такого решения.

Сжатие обитаемого пространства. Российская империя заняла больше земель, чем смогла освоить и заселить. В последнее время *обитаемое пространство* внутри Российской Федерации сокращается и фрагментируется [5]. Этот процесс стал

заметным еще в советское время, особенно после укрупнения колхозов и объявления малых деревень неперспективными, а после распада СССР он только усилился. Более или менее “цивилизованная жизнь” (по западноевропейским стандартам) в современной России оказалась возможной только в больших городах и отчасти в их пригородах, а также кое-где вдоль крупнейших транспортных магистралей. Огромные пространства используются незначительно и даже слабее, чем до революции 1917 г.

Упадок деревни – это отчасти всемирный процесс, обратная сторона всеобщей урбанизации, но это и хроническая, тысячелетняя болезнь России, вызванная насилием над сельскими жителями. В том или ином смысле нормальное, здоровое сельское хозяйство за пределами Черноземья и Северного Кавказа существует в пригородных зонах вокруг больших городов, а разносторонняя крестьянская жизнь и демографически полноценное сельское население наблюдаются у некоторых нерусских народов Поволжья, Урала и Сибири – не столько как их этническая специфика, сколько как пережиток прошлого. У этих народов в сельской местности сохраняется многодетная семья и патриархальный уклад, который в начале XX в. был повсеместным и у русских крестьян (внутрисемейное разделение труда, отход на заработки в города и т.п.) [10]. На большей части российского Нечерноземья деревня если не исчезла совсем, то стала реликтовым явлением и поддерживается только летней деятельностью горожан, а вокруг городов преобразовалась в дачные поселки [3, 9, 15].

Известные надежды на экономическое и социальное развитие России можно отнести к ее большим городам (почти всегда – центрам субъектов Федерации) и их пригородам, а что делать с остальной территорией, *внешней и внутренней периферией*, занимающей миллионы квадратных километров? Думается, что ареалы экономического затишья и упадка можно превратить в места *процветающего природного ландшафта*, который ведь все равно должен где-то размещаться.

Одичание земли, ренатурализация ландшафта. В России после 1991 г. увеличилась *социально-экономическая поляризация*, усилились различия, и усугубилась пропасть между богатым, влиятельным меньшинством и бедным большинством сограждан. Аналогично возросли контрасты между столицей и провинцией, центрами и периферией на всех территориальных уровнях: и в рамках страны, и в каждом регионе (субъекте Федерации), и во внутриобластном (сельском) административном районе, и в отдельно взятом

городе. В географических районах разного размера и ранга относительный подъем центров сопровождается упадком окраин. Тем самым появляются новые “пустыри”, подходящие для (само)восстановления природных биоценозов.

Разительная поляризация российского общества повлекла за собой *экологическую поляризацию* ландшафта, растительного покрова, дикого животного мира. В Нечерноземье исчезают созданные трудом многих поколений культурные угодья – пашня, сенокосы, пастбища – в противоположных транспортно-географических условиях: с одной стороны, вдали от больших городов и магистральных дорог, с другой – в пагубной близости от городских застройщиков. В отдаленной от столицы сельской глубинке, особенно на западе Центральной России, в результате зарастания полей сорными травами, кустарниками и деревьями возникает временная, сукцессионная растительная и ландшафтная формация, которую я и мои коллеги-географы метафорически называли “русской саванной” [21]. А в ближнем Подмосковье, вокруг бывших сел, превратившихся в коттеджные поселки, поля завоеваны крапивой и ядовитым борщевиком выше человеческого роста. Парадоксально, что одичание ландшафта происходит под боком у столицы, в виду ее небоскребов, маячащих на горизонте. Ведь бывшие сельские поля обитателям коттеджей совершенно не нужны; опушки и придорожные полосы лесов понадобились чуть больше – для выездов на пикники и как слабозамаскированные нелегальные свалки бытовых отходов. Не исключено, что пригородные леса и пустоши более всего перспективны как охотничьи угодья для наших “непомещиков”.

Поляризация животного мира идет, так сказать, с обратным знаком: погибают требовательные к среде звери–“аристократы” (например, леопард, тигр), а выживают более всеядные “плебеи”, приспособленные к сосуществованию с людьми. Периодически увеличиваясь или уменьшаясь в численности, возвращаются в прежние места обитания и облюбовывают себе новые экологические ниши дикий кабан, лисица, заяц, лось, а временами и волк, успешно скрещивающийся на пригородных свалках с одичавшими собаками.

Несмотря на немалые достижения в области природоохранного законодательства, добиться его сколько-нибудь эффективного применения в нашей стране не удалось. Российские законы и обычаи фактически не защищают биосферу, ее элементы сохраняются только благодаря относительно *плохой транспортной доступности*. Выходит, что в парадоксальных российских условиях бездорожье

и удорожание транспорта экологически полезны. И, наоборот, нет более верного способа погубить любой природный объект, как провести к нему автодорогу. Относительно плохую транспортную доступность уязвимых природных объектов можно поддерживать, ускоряя и удешевляя сообщение по редкой, но мощной сети немногих главных магистралей; иными словами, не строить новые дороги, но улучшать существующие. В таком случае поездки в глубинку будут казаться сравнительно медленными, длительными и трудными, требующими чрезмерных затрат драгоценного времени. Это одно из фундаментальных положений концепции поляризованного ландшафта [14].

Способность природного ландшафта к самовосстановлению не следует недооценивать. Наряду с зонами чрезвычайного загрязнения и экологического бедствия, в России есть обширные территории, где даже при сильном нарушении и замене их естественного растительного покрова и других компонентов ландшафта не все потеряно, природные территориальные комплексы могут восстановиться, там есть что сохранять, хотя леса вторичны и далеко не девственны. Представление о загрязненности земной поверхности у подавляющего большинства россиян преувеличено, потому что они не отходят пешком далее двух километров от проезжих дорог. У обывателей, живущих в эпоху всеобщей автомобилизации, нет стимулов и поводов далеко заглядывать в неизвестный им внедорожный мир, он для них просто не существует.

Экологический потенциал административных границ. Российский культурный ландшафт – результат взаимодействия с природой не столько общества, сколько государства [5]. Географическое пространство современной России во многом подобно ее бюрократической структуре. Сформировался уникальный “централизованный” ландшафт, в котором вертикальные (на местности и карте – радиальные) связи усилены, а горизонтальные (прочие) ослаблены. Например, все области, края, республики хорошо связаны с Москвой, но плохо – между собой, если не нанизаны на магистраль, ведущую к столице.

Вопреки несбывшимся надеждам на рыночную демократизацию и либерализацию, “централизованный” ландшафт в постсоветской России продолжает укрепляться, в унисон с усилением властной вертикали, из-за растущей бюрократизации, ослабление которой не предвидится. Роль иерархии чиновников и административных барьеров между территориями возрастает. Но если бы эта система начала отмирать, как это одно время казалось в 1990-х годах, она все равно по инер-

ции существовала бы еще несколько десятилетий и заставляла бы с собой считаться. Вот этой реликтовой, архаичной особенностью России, по-видимому, не известной и не понятной иностранным географам, можно воспользоваться в благих целях – в интересах охраны природы. Архаизм “централизованного” ландшафта не должен смущать, потому что в постиндустриальном обществе могут и должны возрождаться многие черты доиндустриального и даже “первобытного” образа жизни (например, в рекреации).

В сильно централизованном советском и постсоветском пространстве почти все производительные силы (вне мест добычи ископаемых) сосредоточены в центрах субъектов Федерации и, реже, в их вторых городах (таких как Тольятти, Череповец, Новокузнецк), а на границах регионов, в стороне от межобластных дорог сформировались малолюдные “мертвые” полосы, где традиционные сельские поселения в лесной зоне исчезли еще в советское время. Здесь в наибольшей степени происходит вышеописанное одичание культурного и возрождение природного ландшафта. Аналогична ситуация и в сети внутриобластных административных районов, но их приграничные полосы гораздо уже.

Для поддержания жизнеспособности и целостности биосферы природные угодья должны занимать не только достаточную площадь, но и составлять сплошной массив, хотя бы в виде *зеленых коридоров*. Существующие в России административные границы – почти готовый каркас для *эконета*, т.е. для сплошной трансконтинентальной сети особо охраняемых (правильнее было бы называть их особо сберегаемыми) природных территорий (ООПТ) [25], о которой в Западной Европе только мечтают. Там надо выкупать и рекультивировать многие земли, возмещая разным владельцам ущерб и упущенную выгоду, а в нашей стране пограничная зеленая сеть растет сама собой, оставаясь пока вне всякой экономики; происходит стихийная *эконетизация административных границ* [7].

Для сохранения благоприятного экологического потенциала нужна *стабильность административно-территориального деления*, а оно у нас, к счастью, почти не изменялось с середины XX в. С тех пор наши регионы овеществились и окостенели, превратились в своего рода коммунальные предприятия и феодальные усадьбы, а их границы стали “живыми изгородями”, уже используемыми для модных ныне национальных парков. Размещение природного парка на окраине субъекта Федерации воспринимается теперь как норма, но,

к сожалению, наши национальные парки обычно располагаются по одну сторону межобластной границы, а по другую ее сторону такой же лес нещадно эксплуатируется, что лишний раз свидетельствует об изоляции и несогласованности развития соседних регионов. Крупнейшие ООПТ должны быть *интеррегиональными* кондоминиумами или находиться в федеральном подчинении, как и военные спецтерритории (о них скажем в следующем разделе).

Влияние административной границы на прилегающие пространства зависит, наряду с прочими факторами, от возраста этой границы и степени ее извилистости. Окаменению культурного ландшафта и экономическому опустошению, а следовательно, возрождению природы на приграничных территориях способствуют границы старые, давно устоявшиеся и слабоизвилистые, имеющие исторических предшественников в виде прежних хозяйственных, административных, государственных границ. Повышенной «экофильностью» или «биогенностью» обладают *узлы границ*, т.е. стыки (обычно трех) разграничиваемых административных территорий; такие места особенно благоприятны для природных заповедников.

Идее эконета, пересаживаемой на российскую почву, угрожает опасная профанация. В урбанизированных ареалах велик соблазн вырубить большую часть лесов, а оставить от них только узкие зеленые коридоры, как это наметилось в Московской области. Но природа не станет укладываться на произвольно отведенное ей прокрустово ложе. Эконет придуман экологами не для уменьшения площади существующих природных угодий, а для их сохранения и расширения. Руководствуясь извращенной идеей эконета, можно погубить природный ландшафт, а вину за это свалить на ученых.

Экологическая конверсия. Ни в какой другой стране военные не занимают в мирное время такой огромной площади, как в России. За колючей проволокой наших запретных зон, если судить, например, по Подмоскovie, может скрываться до десятой части страны. В гигантской советской державе, где денег не считали и земля ничего не стоила, военные заняли в десятки и сотни раз больше площади, чем требовалось для выполнения их прямых функций. Но нет худа без добра! Если случившееся зло непоправимо, надо поискать хоть какую-то пользу от его последствий. Сегодня на обветшавших военных полигонах сохраняются неплохие леса и богатый животный мир. А звери и птицы лучше уживаются с грохотом танков и снарядов, нежели с натиском дачников и автомобилей

[13]. Недаром эти полигоны усердно используются военными охотниками.

Расположение и очертания спецтерриторий напрямую не связаны с административно-территориальным делением, а природопользование в них не зависит от региональных властей, но это и требуется для эффективной охраны природы. Военные земли в России и по своему ландшафтному наполнению, и по географическому положению – это уже *потенциальные природные заповедники*. В наших интересах, чтобы эти земли сохранялись за военными ведомствами как можно дольше, до лучших времен. А если эти полигоны продать и распределить между частниками, то те вырубят леса и начнут свои участки застраивать.

Во многих случаях существующие заповедники, национальные парки, природные заказники содержат на своей территории военные объекты и полигоны, используются для их маскировки на географической карте, охраняются вооруженными силами в качестве угодий для «царской» охоты; словом, какое-то сосуществование природных и военных «особо охраняемых территорий» в нашей стране давно сложилось. Фактически особо охраняемыми природными территориями как раз и служат военные полигоны, а также правительственные дачи и охотничьи заказники, усадьбы олигархов. О действенной охране прочих особых природных территорий остается только мечтать. Сегодня военные лучше сохраняют занятый ими природный ландшафт, чем номинальные по своей сути заповедники и национальные парки – эти *особо коррумпированные природные территории*, по сути дела, привилегированные охотхозяйства и лесхозы с жалким штатом зависимых и беспомощных научных сотрудников.

На внешних границах Российской Федерации у вооруженных сил должны сохраняться прежние и развиваться новые функции – оборонять страну от *экологической агрессии*, нежелательной иммиграции, экологического и демографического давления соседей. Социальная задача самосохранения традиционного военного сообщества вполне осуществима при постепенном превращении какой-то части российской армии в подразделение *международной экологической полиции* или жандармерии [8]. Российской земле нынче угрожают не завоеватели территории с самолетами и ракетами, а скупщики ее сырья, использующие российских браконьеров и компрадоров; с ними должны сражаться наши вооруженные силы в первую очередь.

Малолюдность – благо. По площади Россия более чем в полтора раза превосходит Европу, но на двух третях этой территории плотность населения

меньше одного человека на квадратный километр. При этом для большинства россиян характерно низкое качество жизни, они не причастны к нефтегазовой трубе; целые социально-профессиональные слои погружаются на социальное дно [12]. В условиях депопуляции было бы целесообразно поддерживать в нашей стране такую экономику, которая в добавочной рабочей силе не нуждается.

Малолюдность России в сравнении с ее площадью для экологической специализации – явный плюс. Национальный парк не должен быть густо населен людьми, а на территории заповедника вообще не должно быть человеческих поселений. Для поддержания благоприятного ландшафта и неинтенсивного, экофильного землеприродопользования, для простого сохранения природы путем консервации существующего во многих местах бездорожья и для недопущения масс людей на территорию, где им быть не положено, требуется гораздо меньше работников, чем в сельском хозяйстве и при добыче полезных ископаемых, и уж подавно меньше, чем в промышленном производстве, бизнесе, бюрократическом аппарате. В отличие от городского или усадебного парка, где видимость естественного пейзажа создается и поддерживается кропотливым трудом людей, в природном национальном парке и уж тем более в заповеднике множества работников не требуется, так как там свободно трудится сама дикая природа, а наше дело – ей не мешать.

Альтернатива кажется простой: 1) развивая производство и наращивая добычу сырья, пытаться сотрудничать в Сибири и на Дальнем Востоке с заинтересованным в этой деятельности Китаем; 2) не развивать там никакого хозяйства, но удерживать эти земли в качестве природного резервата под патронатом ООН, в союзе с “передовыми”, “развитыми” странами; нести ответственность за чистые Саяны, Алтай, Байкал перед мировым сообществом: использовать государственный суверенитет для поддержания биосферы.

Лесопарковая периферия ойкумены. Представим себе большой город, в котором по планам градостроителей или стихийно формируются *функциональные зоны* – селитебные, промышленные, торговые, складские, рекреационные. В некоторых отношениях вся земная суша превращается во Всемирный город (Эйкуменополис) [26], а в большом городе и функциональные зоны велики; при интеграции в мировое хозяйство в них помещаются целые страны. Нет ничего трагического или позорного, если Россия своей большей частью (северо-восток Европы, Сибирь, Дальний Восток, Субарктика, все горы) попадет в рекреационно-

экологическую зону мира, станет *экологическим дополнением*, лесопарковой периферией континентов Старого Света. Ведь мы же не плачем оттого, что на территории московского природного национального парка “Лосиный Остров” нет никакого промышленного развития.

Если архаичные уклады, издержки модернизации, отбросы культуры в самом деле выталкиваются из “передовых” стран в “отсталые”, то вытесняются на периферию и некоторые *природоохранные возможности*, утраченные в Западной Европе, но актуальные для России благодаря редконаселенности, бездорожью, суровому климату, бесхозяйственности. Нет худа без добра, можно *превратить недостатки в достоинства*. “Негативные” особенности России, при одномерном мышлении считающиеся признаками ее отсталости, надо не преодолевать в погоне за “мировыми стандартами” и “мировым уровнем”, а использовать, преобразовывать, развивать для решения новых, неожиданных, непривычных задач.

Чем больше людей сосредоточено на западе и юге Евразии, тем меньше должно оставаться всякого рода промышленности, населения, городов на северо-востоке. Россия может покорить человечество не оружием, а уникальным вкладом в дело сохранения биосферы, стать *экологическим полюсом* всего Восточного полушария. И опять нам пригодится сравнение всего мира с городом. Ведь безопаснее для здоровья жить в тихом и озелененном спальном районе, чем в шумном центре, переполненном людьми и транспортом.

Экофильное природопользование. Если России суждено оставаться природно-ресурсным придатком развитых стран, то ее главные экспортные ресурсы, в отличие от нефти и газа, должны быть легко возобновляемыми или вовсе не расходуемыми. Экологическая специализация предполагает *экофильное хозяйство* на большей части территории: экстенсивное животноводство с содержанием полудикого скота, рыболовство, охоту, собирательство, рыбо- и дичеразведение – потребительское, спортивное, товарное (для внутреннего и внешнего рынка); *экологический туризм* [4] – активное передвижение людей ради контакта с природным ландшафтом, который потребляется главным образом информационно, духовно, как источник впечатлений, а не сырья и товаров, без присвоения и разрушения природных ресурсов посетителями.

Потомки крестьян, переселившихся в город, не порывают с деревней, приезжают туда на лето, используют и преобразуют старое фамильное жилье. Вот так же и многие россияне, подолгу или постоянно живущие за рубежом, а также их по-

томки, смогут посещать “историческую родину” в качестве туристов и рекреантов. Как показывают наблюдения, именно эта категория соотечественников проявляет наибольший интерес и неравнодушие к России. Вместе с тем чистая экзотика, суровая природа, возможности для нешуточного экстремального туризма привлекают и иностранцев, и коренных россиян.

Находясь на некоторой стадии мировой урбанизации, Россия может занять по отношению к Западной Европе и США такое же место, как Подмосковье по отношению к Москве, т.е. принять на себя глобальные функции “пригородной зоны мира” – быть источником и резервуаром чистой воды и воздуха, местом физического и духовного оздоровления своих посетителей, но главная и первоочередная задача – *простое сохранение* природных территориальных комплексов, биогеоценозов, фрагментов биосферы, мирового климата.

Не “что делать?”, а “чего не делать?” – вот роковой вопрос для России: воздерживаться от экофобной деятельности. Наша страна могла бы продавать свои квоты не только по Киотскому протоколу, но и по другим аналогичным будущим соглашениям.

Есть мнение, что Западная Европа и так уже должна России как экологическому донору за кислород, вырабатываемый нашими лесами и болотами [2], за отказ сельского хозяйства от химикатов, загрязнявших моря через речной сток. Отсюда лишь шаг до мысли, что значительный доход наше государство может получать не от действий, а от простого воздержания от вредной деятельности.

Невмешательство в естественный процесс периодически применяется в агрономии, когда земледелец, посадивший растения, на некоторое время оставляет их в покое. *Благостным недеянием* не раз бывало невмешательство государства в экономику, которая расцветала благодаря принципу “*laissez faire, laissez passer*”. Благостное недеяние, или плодотворное невмешательство, означает, что мы доверяем выращиваемому и воспитуемому, предоставляем ему свободу, надеемся на его способности к саморазвитию и самоорганизации. Сегодня принято думать, будто для достижения результатов всегда надо действовать, а чтобы чего-то достичь, надо иметь надлежащее финансирование. Такая точка зрения и соответствующий ей образ действий становятся разрушительными для биосферы и человеческого общества. Современному человечеству, охваченному *манией деятельности*, очень не достает понимания благости недеяния. Чтобы Россия была востребована и оплачивалась в качестве глобального экологического донора, нужна просветительская работа в “передовых” странах

мира, где развивается наука и формируется международное общественное мнение.

Экологическая, как и иная возможная специализация России, может сложиться в результате саморазвития постиндустриального мира без того, чтобы кто-то заставил одни страны и народы делать одно, а иные другое; ну как складывается разделение людей по профессиям и распределение товаров по ассортименту: отчасти по планам отдельных лиц и предприятий, отчасти совсем стихийно. Однако в ближайшем, обозримом будущем “невидимая рука” А. Смита или явная рука государственной власти вряд ли подтолкнут Россию к экологической специализации. Вероятно, потребуется если не всемирное правительство или окрепшая ООН в его роли, то какое-то надгосударственное и сверхэкономическое давление международных институтов гражданского общества [11]. Социально ответственная и экологичная глобальная экономика, не раздираемая соперничеством государств и транснациональных корпораций, – не мечта ли это о *конвергенции* капитализма и социализма (почти по А. Сахарову)?

Приоритет уникальности и особый путь России. С точки зрения здравого смысла выбор специализации страной или регионом аналогичен *профессиональной ориентации*. Если человек проявляет уникальные способности, скажем, в сфере искусства или науки, то надо избавить его от необходимости зарабатывать на жизнь рутинным трудом, которым могут заниматься миллионы прочих людей. Сложившаяся в постсоветской России рыночная или псевдорыночная экономика пока не способствует расцвету уникальности ни у личности, ни у региона.

Неясно, при каком экономическом укладе или политическом строе для проявления уникальности открыта зелёная улица, но вот и теоретики глобализации советуют развивающимся странам не стремиться делать все то, что уже делают развитые страны, а реализовывать свои специфические возможности и таким образом оказываться вне конкуренции. Конечно, некоторые страны третьего мира достигают высокой экономической эффективности и конкурентоспособности в определенных отраслях хозяйства на основе хищнического расточения невозобновляемых природных ресурсов и нарушения достойных человека условий труда [1], но это – тупиковый путь, ведущий к близкому краху. России тоже пора начинать подготовку к тому моменту, когда придется слезать с нефтегазовой иглы.

Особый путь России или общий со всем человечеством – такая грубая дилемма вызывает досаду, ибо оставлен без внимания третий, промежуточ-

ный вариант – учет и использование нашей *географической специфики*, приоритетное развитие собственного природного и культурного наследия. Географическая специфика как *ресурс развития* есть даже у карликов вроде Андорры и Монако (и они ее великолепно используют), но в силу огромности нашей страны ее особенности имеют глобальное значение.

Экологизация не мешает постиндустриализации. Изложенная здесь программа экологизации России касается большей части ее земли, но не занятий большинства людей. Никто не предлагает всем россиянам стать охотниками и рыболовами, сторожами и егерями, служить в экологической полиции, изображать поселян и пастухов на потеху туристам и т.п. Экологическая специализация предполагается для той большей части российской территории, на которой проживает ничтожно малая часть населения. На остальной относительно небольшой площади, которая фрагментарно, островами разбросана преимущественно по юго-западной полосе и охватывает места постоянного проживания подавляющего большинства наших сограждан, специализация может и должна быть совсем иной – отвечающей вызовам постиндустриального XXI столетия.

Превращение большей части России в природные резерваты не помешает, а, наоборот, поможет ее большим городам быть центрами науки и высоких технологий, если государство приложит к этой задаче надлежащие усилия. Горожане приобретут более здоровую природную среду для повседневной жизни и для творческого труда. Как раз умственный труд инженера, программиста, ученого великолепно сочетается с экологическим туризмом и, более того, по-видимому, и не может без него существовать.

Не случайно застрельщиками активного туризма в СССР были инженеры, техники, научные работники из ВПК. Инстинктивно нащупав для себя единственно правильную оздоровляющую компенсацию их суровому повседневному образу жизни, скованному дисциплиной и страхом нарушить государственную тайну, эти люди, задолго до прихода в нашу страну ныне модных слов *трекинг, хайк, экстрим*, открыли для себя такой вид досуга, как самостоятельные туристские походы по “ненаселенке”, по тайге, горам, порожистым рекам. Выходит, что успехами в гонке вооружений и освоении космоса наша великая держава обязана в значительной мере походному туризму [16, 18].

России не следует возвращаться в индустриальный мир, ибо этот поезд уже ушел. Налаживать в России рутинное промышленное производство, зна-

чит становится зависимым придатком Юго-Восточной Азии. Есть мнение, что Россия могла бы развивать у себя некоторые опытно-конструкторские работы, экспериментальное, малотиражное и опытное производство, да и то лишь на первых стадиях, а потом продавать свои научно-технические достижения для внедрения их в многолюдных странах с нормальной трудовой этикой [23]. Свой рабочий класс страна уже потеряла, но кое-какие условия для воспроизводства инженеров, конструкторов, ученых еще можно сохранить, если не до конца разрушать отечественную науку и образование.

Никто, кроме самих россиян, не сможет помешать процветанию наших больших городов в постиндустриальной эре, но на большей части России, где сегодня проживает ничтожная часть её населения, пусть благоденствуют растения и животные, а людям там делать нечего.

Экологическая специализация и целостность территории. Экологическая специализация могла бы способствовать сохранению территориальной и политической *целостности* России. Ведь при развитии только материального производства наша страна, особенно в случае резкого удорожания транспорта, скорее разделится между сферами влияния соседей (по трудовым связям, миграциям, экспорту-импорту). Напротив, в качестве природного парка территориальное ядро России лучше уцелеет за неимением у него сколько-нибудь существенных экономических связей. Сохранится целостность страны в нетривиальной роли – природоохранной, экологической.

Думается, что именно глобальный, международный подход к природоохранной миссии России больше всего способствовал бы ее сохранению как уникальной страны и очень специфичной цивилизации. “...Сохраняя, оберегая свое, Россия на самом деле, может быть лучше других стран, работает на сохранение всей Земли в будущем” [2, с. 78]. Для России открывается замечательный шанс прекратить сизифов труд, выйти из изнурительной гонки догоняюще-отстающего, подражательно-имитационного *псевдоразвития* и обрести тем самым более достойное, устойчивое, уникальное место в мировом сообществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
2. Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв. Т. 1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 536 с.

3. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
4. Дроздов А.В. Основы экологического туризма. М.: Гардарики, 2005. 272 с.
5. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
6. Каганский В.Л. Внутренний Урал // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 427–437.
7. Каганский В.Л. Пространство в теоретической географии школы Б.Б. Родомана: итоги, проблемы, программа // Изв. РАН. Сер. геогр. 2009. № 2. С. 1–10.
8. Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Экологические блага российского милитаризма // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 369–377.
9. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый Хронограф, 2008. 344 с.
10. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
11. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство. М.: Наука, 2003. 352 с.
12. Римашевская Н.М. Богатые и “социальное дно” // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М.: Референдум, 2003. С. 129–145.
13. Родоман Б.Б. Запретная зона // Российская газета. 22 мая 1992. С. 5.
14. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сб. статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. 336 с.
15. Родоман Б.Б. Великое приземление (парадоксы российской субурбанизации) // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 404–416.
16. Родоман Б.Б. Под открытым небом: О гуманистическом экологическом воспитании. М.: Российское Гуманистическое общество, 2004. 184 с.
17. Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире: “нестандартное решение”? // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. М.: МВШСЭН, 2004. С. 80–85.
18. Родоман Б.Б. Досуг вне государства: самоорганизация походных туристов // Отечественные записки. 2005. № 6. С. 206–213.
19. Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 78–88.
20. Родоман Б.Б. Экономика всеобщего загрязнения // Отечественные записки. 2007. № 2. С. 45–52.
21. Родоман Б.Б., Каганский В.Л. Русская саванна // География (еженедельник). 2004. № 5. С. 3–11.
22. Россия и ее регионы. Внешние и внутренние экологические угрозы / Отв. ред. Н.Н. Клюев. М.: Наука, 2001. 216 с.
23. Рубан О. Приручить дракона // Эксперт. 2008. № 13. С. 78–84.
24. Уатт К. Экология и управление природными ресурсами. М.: Мир, 1971. 464 с.
25. Шварц Е.А. Экологические сети в Северной Евразии // Изв. РАН. Сер. геогр. 1998. № 4. С. 1–15.
26. Doxiadis C.A. Ekistics: An Introduction to the Science of Human Settlements. N.Y.: Oxford University Press, 1968. 527 p.

Ecological Specialization as the Desirable Future for the Most Part of Russia

B.B. Rodoman

*Russian Heritage Institute, Moscow, Russia
e-mail: bbrodom@mail.ru*

Russia has huge areas of natural landscape little changed by people and therefore may become a global environmental donor to save the biosphere on the planet. The concentration of population in urban agglomerations, thinly populated territories and absent of roads in the former rural areas, the vastness of military ranges, covered with forests and steppes, the savagery of the landscape along the administrative borders are conducive to transformation of the most part of Russia into nature reserves and parks, and preservation of nature in the hunting and fishing grounds for ecological land and nature use. Ecological specialization and the recreational role of suburban zone of Oecumenopolis could become a priority direction in Russia and provide it a unique indispensable place in the world community. The article presents the arguments in favor of this decision.

Keywords: natural landscape, renaturalization of landscape, ecological potential, compression of the inhabited space, ecological specialization.

doi:10.15356/0373-2444-2016-4-140-147